

Протоиерей Иоанн Троицкий

Юбилейные торжества в городе Ливны Орловско-Ливенской епархии

На родине протоиерея Сергия Булгакова в городе Ливны 125-летие со дня его рождения отмечалось с достоинством. Наряду с гостями из Москвы и области в торжествах принимал участие профессор парижского Свято-Сергиевского Богословского института Петр Струве.

Большую делегацию духовенства Орловской епархии возглавлял архиепископ Орловский и Ливенский Паисий. В храме Преподобного Сергия при большом стечении молящихся была совершена Божественная литургия, а после ее завершения – панихида по приснопамятному отцу Сергию. Настоятель храма протоиерей Мефодий Дужик произнес прочувствованное Слово.

После окончания панихиды крестный ход направился к зданию школы-гимназии, где учился в детстве Сережа Булгаков. Здесь был совершен благодарственный молебен, открыта и освящена мемориальная доска. Прозвучали прекрасные выступления архиепископа Паисия, главы местной администрации, представителя Министерства культуры Российской Федерации, профессора парижского Свято-Сергиевского Богословского института Петра Струве, преподавателя гимназии и гимназистки. Выступления были удивительно прекрасные по содержанию, просто незабываемые. Далее было организовано посещение музея протоиерея Сергия Булгакова, открытого в тот же день. Местной администрацией было объявлено об учреждении стипендий в его честь и о переименовании центральной Пролетарской площади города Ливны в площадь протоиерея Сергия Булгакова.

Торжества продолжались несколько дней и подробно освещались прессой и телевидением.

Вечная память нашему земляку, приснопоминаемому протоиерею Сергию Булгакову!

Архиепископ Орловский и Ливенский Паисий

Духовное призвание профессора протоиерея Сергия Булгакова

Протоиерей Сергей Булгаков, профессор догматического богословия в Свято-Сергиевском Православном Богословском институте в Париже, доктор церковной истории, – православный русский мыслитель и богослов XX века.

Он родился 16 июня (ст. ст.) 1871 года в древнем городке Ливны Орловской губернии, расположенном на высоком берегу реки Сосны. Его отец – протоиерей Николай Васильевич Булгаков – был кладбищенским священником в Ливнах и принадлежал к исконному священническому роду. Отец Сергей унаследовал «левитскую» кровь шести поколений, восходящих примерно к эпохе Иоанна Грозного.

Жизнь его родителей была проникнута церковной верой с простотой и наивной цельностью, которая не допускала никакого вопроса и сомнения, а вместе с тем никакой вольности и послабления. Типикон был домашним уставом в постах и праздниках, богослужениях и молитве. Дети любили храм и благолепную красоту богослужений.

Сергий Булгаков вырос под кровом Сергиевского храма, который он полюбил всем сердцем, вдохновляясь его красотой, и это навсегда определило его внутренний мир. Этот храм сохранился еще с давних времен татарских нашествий, когда в Ливнах была крепость. Он представлял собой остаток старинного монастыря. «Сергиевская церковь была прекрасна, – вспоминает отец Сергей, – тихой и смиренной красотой... Вокруг – колокольни с разными звонами, ближними и дальними. Это была благородная музыка, которою освящался воздух и неприметно питалась душа». Эта церковь была для будущего отца Сергия «родиной его родины, ее святыней». Здесь неприметно для него самого зародилось в нем духовное призвание. С раннего детства благочестивый, он впитывал духовное благоухание церковных богослужений. И эти неизреченные переживания хранились в сокровенных глубинах его души, лишь временно приглушаясь в юношеский период его жизни, чтобы с новой силой властно зазвучать впоследствии и заставить его навсегда вернуться в лоно Церкви.

В его памяти сохранился светлый образ отца, совершавшего с детским восторгом Таинство Евхаристии в Пасхальную ночь, в сердце запечатлелось пение двух ливенских певчих – прекрасного благородного баса и музыкального задушевного тенора. Его детская душа «уходила тогда в небеса, горела и трепетала в Божественном сиянии; Премудрость Божия смотрела в душу во Славе Своей».

А много-много лет спустя сам отец Сергей оставлял неизгладимый след в душах молящихся в храме Сергиевского подворья в Париже, когда совершал утреню и литургию в Пасхальную ночь, сияющий, вдохновенный, устремленный всем своим существом к Воскресшему Христу.

Так неистребимо входили в душу отрока Сергия вдохновенные религиозные переживания детства, определившие навсегда его священническое призвание. «Ничего у нас не было в детстве из области культуры, – вспоминает отец Сергей, – ни музыки, ни другого искусства, которого так жаждала душа. Но она была полна, потому что все дано было в церкви: истина через красоту и красота в истине».

«Вместе с церковью я воспринял в душу и народ русский... как свое собственное существо, – пишет будущий пастырь. – Родина – святыня для всякого... она всегда дорога и прекрасна. И моя родина есть прекрасный дар Божий, благословение и напутствие на всю жизнь... Поистине родину можно – и должно – любить вечною любовью. Это не только страна, где мы впервые вкусили сладость бытия; это гораздо большее и высшее – это страна, где нам открылось Небо, где нам увиделась лестница Иаковля, соединяющая Небо и землю».

Укорененность с самого раннего детства в русской действительности, в Православии и русской жизни создали ту «почвенность», которая всегда характеризовала личность, жизнь, пастырское служение и творчество отца Сергия Булгакова: «Здесь я определился как русский сын своего народа и матери Русской земли, которую научился чувствовать и любить на этой горке Преподобного Сергия».

Он с ранних лет впитал образы православной святости, прежде всего Преподобного Сергия Радонежского в его простоте и смирении, соединенных с горением и дерзновением. Именно эти черты он унаследовал от своего духовного покровителя – горение, смирение и дерзновение духа неизменно сопутствовали ему на протяжении всего творческого пути и пастырского служения. Во вдохновенных проповедях в храме и докладах на различных конференциях, в лекциях на апологетических курсах и беседах на религиозных семинарах явно ощущалась нисходящая на него благодать. Речь отца Сергия лилась тогда огненно, вдохновенно, с невыразимой поэзией и духовной силой, раскрывая глубины и богатства Божественного мира. В такие минуты менялся даже тембр его голоса, приобретавшего звучание неземной красоты.

Не только смирение и горение великого угодника Божия аввы Сергия возлюбил мальчик, но и святость его общественного подвига, осознав его духовную мудрость в созидании русского национального единства. От него Сергей научился «народолюбию»; подвиги Преподобного пробудили в нем первые переживания «социального покаяния». И в будущем, несмотря на свою напряженную духовно-интеллектуальную работу, протоиерей Сергей Булгаков был всегда обращен к миру, к его духовным, культурным и практическим нуждам, чутко реагировал на человеческие страдания. Это особенно ярко выразилось в годы второй мировой войны. В 70-летнем возрасте живя в Париже, занятом фашистами, ослабленный двумя тяжелыми операциями, лишившими его голосовых связок, он не волновался за свою личную судьбу и готов был перенести любые страдания, которые выпадут на его долю. Но его отзывчивое сердце с великим трудом переносило страдания людей, обреченных фашистами на гибель, и он вдохновлял своих духовных детей на самоотверженное служение страждущим людям. Его духовная дочь – мать Мария (Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева), ее юный сын Юрий, друг и сподвижник, духовный сын отца Сергия – священник Димитрий Клепинин отдали все свои силы, всю свою самоотверженную любовь на защиту людей, и особенно детей, от

злодеяний фашизма. Они бесстрашно боролись наравне с участниками французского Сопротивления вплоть до своей героической смерти в фашистских лагерях.

Вся жизнь протоиерея Сергея Булгакова есть пламенный призыв к преодолению теплохладности, рутины и духовного рабства, призыв к возрождению в Церкви и в жизни огненного духа и мужества первохристианского.

Поэтому так близок был отцу Сергию святой Иоанн Богослов – апостол любви и «сын громов». Всей своей жизнью, богословским творчеством и церковным служением отец Сергей осуществлял слова апостола Павла: «Духа не угашайте» (1 Фес. 5, 19). И этот огонь, и свет, и любовь были зажжены в еще детской душе Сергия в ливенской церкви и сокровенно жили в нем на протяжении всей его жизни.

Священник Георгий Зяблицев

Богословие протоиерея Сергея Булгакова и Церковное Предание

Россия встретила памятный юбилей (100-летие со дня рождения) своего великого богослова – протоиерея Сергея Булгакова – своеобразно. С одной стороны, переиздано несколько его фундаментальных трудов: «Два града», «Свет Невечерний», «Православие», «Апокалипсис Иоанна». Булгакову был посвящен один из номеров «Журнала Московской Патриархии» (1992. № 7). С другой стороны, массовым тиражом переиздана брошюра архиепископа Богучарского Серафима (Соболева, (1950), написанная в 1936 году, «Протоиерей Сергей Булгаков как толкователь Священного Писания», где Булгаков прямо назван еретиком, который «уничтожает отеческую, истинную, православную веру» (с. 41). Поскольку книга написана святителем, поскольку она продается в церквях и, наконец, поскольку это едва ли не единственная изданная в России книга о Булгакове, она, наверняка, воспринимается многими людьми как официальное суждение Церкви о протоиерее Сергии Булгакове.

В сущности, основное обвинение, которое бросает архиепископ Серафим в адрес Булгакова, состоит в протестантском, то есть не основанном на святоотеческой традиции, подходе к толкованию Священного Писания. Архиепископ Серафим пишет: «Ереси обычно происходили от того, что люди толковали Священное Писание без святоотеческого руководства, поступали так, как в настоящее время протестанты, у которых, по слову епископа Феофана Затворника, “что в голову ни пришло, все идет”. К сожалению, именно так относится к толкованию Священного Писания и отец Булгаков» (с. 5). Поводом для обвинения в данном случае послужило толкование Булгаковым в книге «Друг Жениха» вопроса Иоанна Крестителя, обращенного к Господу Иисусу Христу: «Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?» (Мф. 11, 2–3).

По толкованию святителя Иоанна Златоуста, Предтеча, находясь в темнице, послал своих учеников ко Христу с таким вопросом не потому, что сам усомнился в Нем как в Мессии, но для

того, чтобы укрепить слабых в вере учеников. В отличие от святителя Иоанна Златоуста протоиерей Сергей Булгаков полагает, что сомнение исходило от самого Крестителя, который, видя, что Иисус не объявляет Себя Мессией, усомнился в Его мессианском предназначении. Булгаков объясняет сомнение Предтечи в том смысле, что его постигло состояние богооставленности, сходное с состоянием Богочеловека Иисуса в Гефсиманском саду. Эта богооставленность есть испытание для человеческой природы, необходимое для полноты духовного подвига.

Булгаков не первый истолковывает евангельский текст таким образом. Еще Тертуллиан (Contr. Marc. 4, 18) считал, что после того, как Иоанн Креститель завершил свою миссию Предтечи, благодать отошла от него и он впал в сомнение. Следовательно, хотя большинство отцов и учителей Церкви придерживались толкования святителя Иоанна Златоуста, среди них существовали и иные мнения. Архиепископ же Серафим считает, что «о сомнении в вере Предтечи в Мессию хотя бы на одно мгновение не может быть абсолютно никакой речи» (с. 11), поскольку это принижает личность Предтечи, названного Самим Христом величайшим из рожденных женами.

Однако архиепископ Серафим либо не знает, либо сознательно не упоминает о том, что разница в экзегезе имеет в данном случае серьезную филологическую причину. В некоторых новозаветных рукописях стоит: «...послал через (διό) учеников своих сказать», а в других: «...послал двух (δύο) учеников своих сказать» (Мф. 2, 2), причем первый вариант встречается в наиболее авторитетных трудах. Естественно, в зависимости от того или иного чтения текст получает различный смысл.

Впрочем, предоставим Богу судить о мотивации вопроса Иоанна Крестителя. Эта полемика представляется хорошим поводом поразмышлять о границах свободы современной богословской мысли. Протоиерей Сергей Булгаков всегда подчеркивал динамический характер Церковного Предания. «Книжники и фарисеи всех времен, – писал он, – хотят обратить Предание или в мертвую археологию, или во внешний закон и устав, в мертвящую букву, требующую себе подчинения» (Православие. С. 89). Предание же, напротив, есть «живая сила, самосознание единого организма, в котором содержится вся его прежняя жизнь. В силу этого Предание непрерывно и неисчерпаемо, не есть только прошлое, но и настоящее» (с. 75). Являясь порождением Единого Духа, живущего в Церкви, Предание несет на себе при этом печать исторической относительности и человеческой ограниченности. В частности своих оно допускает отличия, разноречия, противоречия. Потому, считает Булгаков, лучше всего руководствоваться святоотеческим изречением: «В главном – единство, во второстепенном – свобода, в остальном – любовь» (In necessariis – unitas, in dubiis – libertas, in omnibus caritas). (Заметим, что вопрос в таком случае состоит в том, что́ считать главным, что́ – второстепенным. Если толкование вопроса Предтечи можно отнести к вещам второстепенным,

то софиология Булгакова, являясь одновременно и тринитарным и христологическим учением, явно относится к области существенного.)

Критикуя протестантизм за его догматическую неопределенность, переходящую в богословскую анархию, и католицизм за тенденцию давать обязательные догматические определения по всем вопросам вероучения, Булгаков считает отличительной чертой и даже стилем Православия то, что в нем лишь немногие истины сформулированы в качестве общеобязательных догматов. Отсюда вытекает, по его мнению, особое для Православия значение теологуменов и частных мнений, к которым он, естественно, относит и софиологию. Догматика представляется ему подобной «карте не вполне исследованного материка, где исследованные места перемежаются пустотами и проведенные линии сменяются бледным и неуверенным пунктиром» (Догмат и догматика. С. 9).

К таковым «пустотам», недостаточно исследованным областям догматики Булгаков относит прежде всего учение о сущности, или природе Божией, «которое является лишь местом, где должна возникнуть богословская проблема» (Утешитель. С. 84). Кроме того, это и христологическое определение IV Вселенского Собора, которое своими четырьмя отрицаниями представляет «лишь ограду мысли, а не саму мысль» (Философия имени. С. 19), а также мариология и богословие таинств.

Итак, Булгаков считает, что вопросу о Божественной Сущности (усии) «в тринитарной доктрине уделяется недостаточный интерес» (Утешитель. С. 43). Полемически сразу хотелось бы возразить, что интерес к этой теме со стороны отцов Церкви находится как раз в пределах разумной достаточности, выражаясь в учении о сверхсущии Божества. Святитель Григорий Богослов пишет: «С понятием о Боге сопряжено превосходство над всякой сущностью и природой, что составляет как бы природу Божества» (Слово 29-е. О богословии. 3). Псевдо-Дионисий Ареопагит пишет: «Сверхсущностная неопределенность превышает всякую сущность, сверхразумное Единство превосходит всякое разумение, сверхмыслимое Единое – всякий мысленный процесс» (О Божественных именах. 1. (3)).

Согласно учению отцов Церкви, о Божественной сущности можно говорить лишь в терминах апофатического, отрицательного, богословия, а выше всех этих определений Божественной природы будет, по выражению святителя Григория Нисского, то удивление, которое возникает в душе при мысли о Ней.

Известно, что отцы Церкви соотнесли ветхозаветную Премудрость – Софию – со Второй Ипостасью Святой Троицы – Логосом. Но, по мнению Булгакова, в этом случае другие Лица Святой Троицы оказываются лишенными Премудрости (Агнец Божий. С. 134). И он предлагает следующую тринитарную схему: Логос есть Откровение Отца; Божественная природа, как София, есть Откровение Логоса; Божественная природа, как Слава, есть Откровение Святого Духа. В этой формуле чувствуется желание Булгакова, которого не устраивают только

апофатические определения, наполнить понятие Божественной природы положительным, катафатическим содержанием, а также прояснить Ее взаимосвязь с Тремя Ипостасями.

Однако получается нечто странное: София предстает результатом некоего двойного Откровения (от Отца через Логос), а Слава Божия, которая, по учению отцов Церкви, проявляется в Божественных энергиях, здесь, напротив, усваивается Божественной Сущности. Далее отождествление Божественной природы с Софией ведет Булгакова к утверждению некоего самостоятельного бытия Божественной природы, которую связывают с Тремя Ипостасями отношения любви. «Бог, Ипостасная Любовь, любит Софию, и Она любит Бога ответною, хотя и не Ипостасною любовью» (Агнец Божий. С. 127). Эту неипостасную любовь Софии Булгаков называет женственной: «Она может только принадлежать, отдаваясь, любя, и в этой отдающейся, женственной любви осуществлять силу жизни, блаженство любви» (С. 129).

Здесь отход от апофатических принципов святоотеческого богословия приводит уже к явному антропоморфизму, и в этом отношении критику крайностей булгаковской софиологии митрополитом Сергием (Страгородским) в 1935 году следует признать заслуженной. Желая постичь катафатический смысл внутрибожественной жизни, Булгаков словно забывает о том, что «Божия никто не знает, кроме Духа Божия» (1 Кор. 2, 2), равно как забывает и о той грани, которую установило дерзновению человеческого рассудка Церковное Предание, утверждая, что постичь в Боге возможно лишь Его энергии или действия, но никак не Сущность. Ибо Сущность – это и есть то, что в Боге непостижимо.

Поэтому, не разделяя упреков архиепископа Серафима (Соболева) в адрес Булгакова в ереси и гностицизме, я бы тем не менее поддержал мнение В. Н. Лосского, видевшего в софиологии стремление заменить тайну доктриной, системой человеческих понятий и представлений. Мне кажется, что христология удалась Булгакову несравненно лучше, чем триадология, прежде всего потому, что в христологии он не идет на столь резкий разрыв с Церковным Преданием, а, напротив, для интерпретации христологических проблем привлекает привычное для святоотеческой письменности понятие кенозиса (с греч.: уничтожение. – Ред.), выказывая при этом много глубоких и интересных мыслей. То же самое можно сказать и о его пневматологии и эkkлезиологии.

* * *

Вопрос об отношении Церкви к своему духовному и историческому наследию, ко всему тому, что мы называем Преданием, – это сегодня один из острейших вопросов.

Предание, как писал Булгаков, не должно превращаться в мертвую археологию, во внешний закон и устав. Оно должно быть живым Преданием Церкви, и для этого к нему необходим осмысленный подход. В этом плане современный богослов может многому поучиться у Булгакова. Но, с другой стороны, Предание, будучи сокровищницей духовного опыта Церкви,

требует к себе и чрезвычайно бережного отношения. Поэтому очень важно разграничивать существенные и второстепенные элементы в составе Предания.

Мы привели два примера расхождений Булгакова с Церковным Преданием: в оценке мотивации вопроса Предтечи и в триадологии. В первом случае, когда вопрос не является вопросом первостепенной важности, богослов волен высказать особое мнение, и совершенно необязательно метать в него «громы и молнии». Совсем другое дело – триадология, «святое святых» христианского богословия. Здесь разрыв с Церковным Преданием мстит сам за себя, приводя выдающегося богослова к нелепым, «философско-эротическим» описаниям взаимоотношений Софии с Тремя Ипостасями. Поистине к некоторым моментам булгаковской софиологии можно отнести веское апостольское слово: «Господь знает умствования мудрецов, что они суетны» (1 Кор. 3, 20).

Протоиерей Сергей Булгаков, по выражению протоиерея Георгия Флоровского (Пути русского богословия. С. 493), «с сыновней свободой от увлечения западноевропейской философией – Гегелем, Шеллингом, Кантом – вернулся к богословию, вернулся в Церковь Предания и отцов». Но иногда кажется, что он, подобно евангельскому книжнику, наученному Царствию Небесному, «выносит из сокровищницы своей новое и старое» (Мф. 13, 52), то есть выстраивает теологумены, не имеющие обоснования ни в Писании, ни в Предании. Это кажется особенно удивительным, если вспомнить, сколько тот же Булгаков уделяет места восхвалению апофатического богословия в «Свете Невечернем».

Поражает и восхищает в Булгакове степень его богословского дерзновения. Ну кто еще, кроме него, осмелился бы рассуждать о том, что происходило с душой и духом Богочеловека в момент Его смерти на Кресте? А Булгаков отважился на это в своей «Софиологии смерти». Можно без преувеличения сказать, что Булгаков заново рассмотрел все неразрешенные или не вполне разрешенные богословские проблемы... Достаточно вспомнить хотя бы его эсхатологию, в которой он близок к святителю Григорию Нисскому.

Но не все неразрешенные богословские проблемы вообще являются разрешимыми. Богословие – это не система Гегеля, это не философия системы, в нем всегда есть место тайне, и границы этой Божественной тайны ясно очерчены в богословии отцов Церкви. И все же честь и хвала великому православному богослову протоиерею Сергию Булгакову за его дерзновенные богословские вопрошания! Господь наверняка уже открыл ему многое из того, что он с такой жадой и таким тщанием желал постичь в своей земной жизни! Вечная ему память!

Доклад на симпозиуме в Институте Восточных Церквей в Регенсбурге, Германия, 1994 год.

Владимир Ильин

Из воспоминаний о протоиерее Сергии Булгакове

Я уже могу считать себя необыкновенно счастливым человеком, что милостию Божиею мне довелось быть в условиях самого близкого общения с такими корифеями Русского Ренессанса, как профессор протоиерей Сергей Булгаков, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский и другие. Каждый из них в своем роде гигант, великан и заслуживает самого пристального внимания, а его творчество – детальнейшего анализа.

Но среди них особенным блеском звезды первой величины сияет автор «Света Невечернего», «Двух градусов», «Моцарта и Сальери», – не говоря уже о гениальнейшей трилогии «Агнец Божий», «Утешитель», «Невеста Агнца», – и других творений, например небольшой по размеру, но блестящей по содержанию книжечки «О чудесах евангельских».

Считаю себя также необычайно счастливым, что Господь привел меня быть коллегой отца Сергея Булгакова по Православному Институту святого Сергия в Париже, где я имел честь и радость преподавать многие годы под его началом. И вот теперь, когда на склоне лет предаешься сладостным воспоминаниям об этих лучших годах моей жизни – сердце бьется полнее и сластнее, чем когда-либо – и не веришь себе, что такое счастье и такая радость были, согласно слову поэта:

Не скажешь ты с тоской – их нет,

Но с благодарностию – были!

И при этом никак не можешь забыть, что через посредство отца Сергея Булгакова довелось мне иметь общение с отцом Павлом Флоренским – учителем и вдохновителем отца Сергия.

С творчеством отца Сергия я познакомился в первый раз в бытность мою еще молодым пятиклассником 1-й Киевской гимназии, ибо тогда (в 1905–1906 годах) отец Сергей был молодым приват-доцентом киевского Политехнического института, тогда же отец Сергей прогремел на всю Россию серией своих превосходных лекций о Чехове и рядом статей, которые впоследствии вошли в состав великолепнейшего сборника «Тихие думы».

Залы, в которых читал в Киеве отец Сергей, были переполнены. Содержание и стиль этих лекций, равно как и их успех показывают, что действительно совершался некий крутой поворот от жалких и бедных идей 60-х и 70-х годов – даже полный разрыв с ними – ради роскошной и многообещающей зари новых дней. И это несмотря на то, что официально отец Сергей Булгаков (тогда приват-доцент политической экономии) и многие его слушатели пребывали в стане народников и марксистов. Но именно тем важнее было быть свидетелем совершавшегося неизбежного переворота «от марксизма к идеализму». И тогда же «Вехи» покупались нарасхват (в них одной из лучших статей была статья отца Сергия), а сочинения Ленина (псевдоним – Владимир Ильин) вызывали гомерический хохот своей отсталостью, некультурностью и глупостью.

Самым сильным и глубоко – de profundis – действующим во всем духовном облике отца Сергия в эпоху моей первой встречи и первого знакомства с ним (в Берлине в 1924 году) был его общий, благостный стиль православного священника-протоиерея. В нем, как некогда во Владимире Соловьеве, было много от священника – «левита», и вот именно этот стиль священника-левита влек к нему сердца с неведомою силой.

Конечно, с первых же слов, какие бы он ни произнес на кафедре, с первых же шагов общения с ним переживался прежде всего священник-левит, которому дана власть вязать и решить, совершать литургию, чувствовался человек, который, однажды пройдя огненную преграду, отделяющую Церковь от мира, уже воистину стал для мира иным и может благодатью священства, ему от Бога данной, уводить за собой в ограду огня. Такие священники по непосредственному чувству почиющей на них благодати священства очень редки. Они драгоценны. И к ним относятся немногочисленные коллеги отца Сергия – весьма редкие единицы. Такова же была сила его проповеднического и духовнического дара. И именно – мы твердо в этом уверены – так удивителен был его богословско-метафизический и философский гений, что от Господа был дан ему широчайший и глубочайший опыт иерейского служения. Тот, кто имел радость присутствовать на его служениях или быть его духовным сыном, – тот никогда не забудет этого и унесет это счастье «по ту сторону» огненной преграды. А сколько было грозы в его иерейской благодати, – грозы, прогонявшей всякого рода темные силы.

Отец Сергей не позволял никому легкомысленного и небрежного обращения со святыней. А это – самое главное. В святыне – все, и святыня – все. Отсюда и его богословский гений. В богословии благоговение, благочестие – это все. И отец Сергей обладал этим всем, не вотще приняв благодать священства.

И в наше время никто (за исключением старца Алексия Мечёва), никто так высоко и так благоговейно не нес над своей головой «кивот и Крест – символ святой», как отец Сергей Булгаков.

Быть может, именно по этой причине постиг он в такой глубине две такие величайшие церковные ценности, без которых Церковь не стоит в наших сердцах, – молитву и чудо.

Владимир Николаевич Ильин – русский философ, богослов. Родился 16 августа 1891 года около Киева. Окончил Киевский университет: по естествознанию в 1913 году, по философии в 1917 году. Покинул Россию в 1919 году. Преподавал богословие в Берлине и Париже.

Вестник РСХД. 1971. № 101/102.

Из статьи Владимира Вейдле «Памяти отца Сергия»

Труды отца Сергия, поскольку они стали известны в переводе, были на Западе оценены соответственно их значению, но в русском рассеянии, за пределами того, что называют «церковными кругами», один из величайших русских мыслителей представлялся и продолжает

представляться каким-то начетчиком, книжным человеком, писавшим неудобочитаемые трактаты, людям даже и весьма образованным непонятные, а людям верующим (так добавляют уже в церковных кругах) к тому же и опасные, как заподозренные в лжеучениях и еще сильнее подозреваемые в учениях, хоть и не ложных, но лишних, способных навести неизвестно на какие мысли, и знакомиться с которыми никому надобности нет. Особенно неблагоприятным считается самое слово «софиология», внушающее некий суеверный ужас тем, – а их, к сожалению, много, – кто неспособен понять, что обозначает оно учение о Божественной первооснове мира и человека, учение, вне которого, как бы его ни называть, христианская мысль не может построить ни космологии, ни антропологии, ни философии истории, ни философии культуры. Слово «София» приобретало, правда, весьма фантастический смысл у некоторых гностиков, но запрещать пользоваться им на этом основании все равно, что отвергать слово «материя», потому что его применяют материалисты; и это значит забывать, что существует также гнозис, ведущий не к заблуждению, а к истине. Что бы ни думать о догматической обоснованности софиологии отца Сергия, нужно раз навсегда назвать простой неграмотностью мнение, что самые вопросы, рассматриваемые в ней, не представляют интереса для христианской мысли. Для всякой мысли, а для христианской по преимуществу, эти вопросы принадлежат к самым основным.

Но, разумеется, этими вопросами отнюдь не ограничивалось философское и богословское творчество отца Сергия, хотя все оно и было проникнуто единой интуицией о пронизанности Божественным бытием самой ткани бытия земного. (Бергсон заметил однажды, что у каждого подлинного мыслителя есть такое центральное прозрение, из которого вырастает вся совокупность его мыслей и над формулировкой которого ему суждено трудиться целую жизнь). Так, например, вовсе еще не дошло как будто до всеобщего сознания, что в статье о «Евхаристическом догмате», напечатанной в двух номерах журнала «Путь» (1930. № 20–21), к которой существует еще не изданное дополнение, изложено впервые то учение о преложении Даров, которое Православие может противопоставить всему огромному богатству мыслей на эту тему, выраженных в западном богословии средних веков, Реформации и нового времени, и одной этой работы было бы достаточно, чтобы поставить отца Сергия едва ли не на первое место среди всех современных богословов любого вероисповедания. Всякая работа мысли должна оцениваться прежде всего в зависимости от того, действительно ли совершила в ней мысль какую-либо подлинную работу. Видимость бывает обманчива. Дело часто ограничивается оказательством знаний, пересказом чужого, переносом готовых формул с одного материала на другой, внешним складыванием и вычитанием, словесными приспособлениями и поправками. Настоящей работы мысли во всем этом нет. У отца Сергия она есть всегда. В любой мелочи, напечатанной им, слышится ее отзвук, и она звучала неизменно в живых его речах. Это вечное внутреннее кипение – какой бессонницей награждало оно его подчас! Но зато каким ключом воды живой оно нас поит во всем том множестве страниц, которые от него остались! Какая

творческая свежесть в «Философии хозяйства», в «Свете Невечернем» (особенно в натурфилософских главах этой книги); как светло и умно, как никогда не тускло и не вяло все, что он писал до последних своих дней! Читая его, вспоминаешь, что мысль и есть самая жизнь духа и что подделка мысли так же отличается от подлинного ее движения, как прорись от рисунка. Калькой отец Сергей не пользовался никогда. Лению он тоже не отличался. Для того чтобы написать его три тома о Богочеловечестве, надо было продумать заново большинство философских систем и все основные богословские мысли Запада и Востока. Это был труд его жизни, и этот труд он совершил. Будущему, и как раз русскому будущему, он завещал огромное богатство. Если оно останется неиспользованным, это не его вина. Судьба его книг зависит от судьбы самой России.

Владимир Васильевич Вейдле родился 1 марта 1895 года в Петербурге. В 1916 году окончил исторический факультет Петербургского университета. В 1920–1924 годах – преподаватель истории искусства в Петрограде. В 1924 году покинул Россию. С 1932 по 1952 год – профессор христианского искусства в Православном Богословском институте в Париже

Труды Православного Богословского института в Париже. Вып. VIII. Париж, 1951.

Протоиерей Георгий Сериков

Воспоминания

<...> Пройдя большой жизненный путь, побывав «в стране далекой» (Лк. 15, 13), отец Сергей пришел к священству и в священстве обрел себя, вернулся в свой родной отчий дом. Священство для отца Сергея было частью его личности (он любил напоминать о своем «левитском» происхождении). И священнодействие было для него тем воздухом, без которого он не мог уже жить, той духовной почвой, которая родила его с живым Преданием Церкви Христовой.

Тем не менее, несмотря на свое священство (традиционное левитство), он был пророком в равной, если не в большей мере, чем священником.

Хотя в своей мистической глубине пророчество не может быть противопоставлено священству как нечто контрадикционное, ибо если дары различны – «одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, иному вера... иному пророчество», – то все же исходят они от одного и того же Духа (1 Кор. 12, 4–11). Однако пророки в жизни не всегда уживались с левитами и, к сожалению, не один лишь Вефильский священник Амасия, выгоняя Амоса из Израиля, сказал ему: «уходи от нас прочь и больше не пророчествуй!» (Ам. 7, 12–13).

Если в существе своем взаимоотношение между установленным в религии Священным Преданием (носителями которого были жрецы) и спонтанным проявлением Духа, Который дышит «идеже хочет» (и Который говорил через пророков), не могло быть противоречивым, однако внешне, в истории, это взаимоотношение часто сохраняло свою антиномичность и в своем отечестве пророки не признавались! (Лк. 4, 24). На эту историческую антиномичность

указывает библейское выражение «Закон и Пророки», употребляемое и Самим Христом (Мф. 7, 12), которое, имея в виду, конечно, не два, но в существе своем один и тот же источник Откровения Божия, говорит о двух сторонах его.

Очевидно, так уж и должно быть, что в мире падшем, лежащем во времени, «Закон и Пророки» живут в раздвоенности, как две платоновских половины. «Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре, но не грусти... разлука не долга!..» Там, где времени больше не будет, в той Любви, широкой как море, надеемся – сольется в полноте своей то, что не вмещается покуда в земные временные берега! (А. Толстой). Ибо – «мужайтесь, Я победил мир!»

Трагедия мира в его распадении. Трагедия твари, ее слезы и стенание, ее совокупное мучение (Рим. 8, 22–23) в том, что вечное разделено со временным, духовное с материальным, религиозное со «светским», мирским.

Бог и мир, вечное и временное – вот проблема всей жизни и богословия отца Сергия. Озабоченность этой проблемой делает отца Сергия актуальным и дорогим для всех надеющихся на вожделенное и предопределенное единство всего во всем (Рим. 8, 16–39), где будет «празднующих глас непрестанный и неизреченная сладость зрящих Господнего лица Красоту неизреченную» (Василий Великий).

Отец Сергий был пророком. Он выходил из времени во вневременное, усматривал во временном, оседлом свободное откровение Духа, и потому-то – это парадоксально – он, как и все пророки, был живым, интересным для времени, говорил на «злобу дня». О жгучих проблемах современности он говорил древним языком отцов Церкви и Библии. Или наоборот, можно сказать: о жгучих извечных проблемах он говорил на языке нашей современности. Как всякий пророк, он был не только в прошлом и не только в настоящем, но и в будущем, вернее в вечном. Религиозная онтология увенчивалась христианской эсхатологией.

Разделение «духовного» и «материального», кажется нам, достигло в наше время своего апогея: материализм совершенно откровенно и цинично заявляет о своей раздельности с миром духовным. Секуляризацией проникнуто все наше бытие и социально-политическое, психологическое и даже религиозно-философское. На сепаратность и несвязность одного с другим указывают темы нашего времени: «Наука и религия», «Церковь и государство», «Божие и человеческое», «Средневековье и гуманизм», «Вечность и время», «Творение и эволюция», «Светская культура и Церковь», «Творец и тварь»... Значение отца Сергия в том, что, учитывая всю антиномичность проблемы, он разрешает ее трагическую несвязность и отчужденность (*aliénation*). Он на полвека опередил проблематику, над которой мучились Бульманы, Барты, Тиллихи, Робертсоны... И Тейар де Шардена никто не назвал бы новатором, если бы когда-нибудь читал то, что задолго до него писал отец Сергий.

«Новаторство» и «модернизм» суть слова бранные для многих церковных людей, которые видят в модернизме некое умаление извечных традиционных истин. Всякое новаторство их пугает и одиозно для них как «протестантизм». Хотя, по правде сказать, модернизм и протестантство суть вещи вполне «законные» в религии, которая претендует на жизненность и вечность. История мира, история веры и мировоззрений еще не кончилась. Эпохи во времени сменяются одна другой, и нет никакого основания предполагать, что люди прошлого ценнее, чем люди настоящего и будущего. Sub specie aeternitatis Божественные откровения VIII века до Рождества Христова так же нужны, как откровения века VIII или XVIII, или XXVIII по Рождестве Христовом. Кроме того, язык, на котором эти откровения выражаются, постоянно меняется. Постоянно меняются мехи, в которые вливается извечное Божественное вино. И, по воле Божией, новое вино не должно вливать в ветхие мехи (Мф. 9, 17). Иисус Христос, несмотря на Свою неразрывную связь с Ветхим Заветом (Мф. 5, 18), был вместе с тем «протестантом» и «модернистом»! Указывая на Свое постоянное творчество в мире, Христос говорил: «Отец Мой доныне делает и Я делаю» (Ин. 5, 17). Субботство «восьмого дня» еще не наступило, и нет никакого богословского основания предполагать, что оно вообще когда-нибудь настанет.

Для нашей разорванной на части современности необычайно важно такое явление, как отец Сергей. Он не только в своем богословии, но и в своей биографии показал возможность синтеза инородных и будто бы противоречивых вещей. Так необычайно важно и радостно знать, что в личности отца Сергея совмещался компетентный социолог-экономист с богословом; русский интеллигент XIX века совмещался со священником религиозного Ренессанса; человек светской культуры – со служителем алтаря, молитвенником; человек, ходивший «ножками по земле», наполненной заботами, хлопотами, нуждами, науками, политикой... совместился с заоблачным метафизиком и мистиком. Возможно, что именно эта соединенность в одном лице того, что русским коммунистам и атеистам казалось совершенно несоединимым, и была главной причиной изгнания отца Сергея из нашей разорванной Родины: один комиссар из Чека, высылая в 1923 году отца Сергея за границу, сказал ему: «Вы нам опаснее, чем целая Белая Армия!» К сожалению, идею оторванности Бога от мира носят в себе не только слепые марксисты – среди, так сказать, «верующих» людей многие заражены дьявольской секуляризацией Божиего и мирского и превратно толкуют слова евангелиста Иоанна: «Не любите мира, ни того, что в мире – кто любит мир, в том нет любви Отчей!» (1 Ин. 2, 15). Нельзя не любить тот мир, который любит сам Бог и ради спасения которого дает Своего Сына (Ин. 3, 16). Не любить же мы должны тьму и зло мира. «Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла» (Ин. 17, 15).

Мир падший – это тот мир, в котором люди имеют скорбь, но вместе с тем это тот же мир, который приходил победить Христос и возвратить к Себе, как блудного сына (Ин. 16, 33).

Между Богом и миром, между Вечным и временным нет пропасти, хотя мир – это не Бог (пантеизм) и сам из себя не объясним (натурализм)! Сохраняя свою трансцендентность Творца, Бог вместе с тем имманентен человеку и в его лице – всей твари. Это соотношение трансцендентности и имманентности на все времена выражено в халкидонской формуле по отношению к двум естествам в Господе нашем Иисусе Христе: «неслитно и нераздельно». В предвечном Богочеловеке, – а Богочеловечество не случайно, а предвечно, – человеческое, тварное естество соединено с естеством Божественным хотя и неслиянно, но и нераздельно! И халкидонское богословие (совсем не новое) раскрывает по-новому во всем своем титаническом труде величайший русский богослов.

Вестник РСХД. Париж– Нью-Йорк. 1969. № 93. III.

Quelle: [http://www.jump.ru/jmp/96/10-96/06\[-12\].htm](http://www.jump.ru/jmp/96/10-96/06[-12].htm)